

Глава 20

Подсолнуховая закладка

Ли Яо открыла глаза, всё ещё пребывая в лёгкой растерянности.

— Как ты? Тело больше не ломит? — участливо спросил Тао Фанъи, сидевший рядом.

Она взглянула на него, потом растёрла лицо ладонями.

— Жара нет. Чувствую себя неплохо.

Оглядевшись, она увидела Вана, но отца нигде не было.

Тао Фанъи уловил её растерянность.

— Твой отец придёт за тобой в полночь, совсем как в сказке. Можешь считать всё, что было до этого, просто сном. Пора начать прощание, но пусть оно будет светлым.

Говоря это, он с усилием вскарабкался по её одежде на плечо и ласково погладил по голове.

— Сбрось оковы. Начинай!

Ли Яо сделала глубокий вдох, собираясь с духом, и резко села. Тао Фанъи едва не свалился с её плеча.

После полуночи всё закончится. Сейчас ей больше не нужно притворяться.

Ли Яо открыла телефон, нашла несколько рецептов, а затем зашла в приложение доставки.

Она хотела оставить после себя что-то хорошее, устроить прощание без душераздирающих сцен.

Напевая, она прибралась в доме, а к возвращению Ян Хунлин с работы приготовила целый стол из того, что нашлось в холодильнике.

«Такое аномально приподнятое состояние — это точно дурной знак, — заметил Ван. — У неё ни капли сожаления о мире живых. Похоже, она собирается повернуть своё дельце и окончательно со всем покончить».

«Неужели всё так и будет?» — Тао Фанъи не понимал.

«Несомненно! — Ван был уверен, что Ли Яо полностью готова умереть. — Она уже мысленно со всем распрощалась».

Тао Фанъи ничего не ответил.

Когда Ян Хунлин открыла дверь и почувствовала аромат еды, она на мгновение замерла. В следующую секунду из комнаты выбежала Ли Яо, крепко обняла её и позвала: «Мама».

«Ох, ты только посмотри на них, какая трогательная сцена», — растрогался Тао Фанъи.

«Это ещё более странно и неестественно!»

«Но посмотри, она открыла матери душу, рассказывает о своих переживаниях», — Тао Фанъи подглядывал в щель приоткрытой двери.

Через некоторое время Жэнь Ин привёл домой Жэнь Синьсинь.

Недавно девочку перевели в другой детский сад, и взрослые всё ещё вели разбирательства с прежним. Они грозились подать в суд, но, скорее всего, это была лишь пустая угроза — ни у кого из супругов не было на это времени.

«Смотри! Она даже с Жэнь Ином разговаривает!» — Тао Фанъи взволнованно хлопнул по двери своей ватной рукой, не боясь издать звук.

— Тао Фанъи! — Ван больше не стал пользоваться их мысленной связью.

Тао Фанъи поднял на него взгляд, и в тот же миг Ван схватил его.

— Ты совсем дурак или притворяешься? Эта девочка давно потеряла связь с реальностью, она не ощущает того, что происходит вокруг.

— Даже если редкие проблески сознания позволяют ей увидеть окружающую обстановку, это не решает основной проблемы, — Ван принялся мять кукольное лицо Тао Фанъи. — Сейчас она знает, что скоро умрёт, поэтому и решила напоследок оглядеться, выплеснуть остатки своих чувств. Ты понимаешь?

Улыбка на кукольном лице была врождённой. Ван всё ждал ответа.

Наконец, он увидел, как Тао Фанъи медленно почесал в затылке своей круглой рукой.

Отлично, он не понимает.

— Ты видел столько людей. Среди них наверняка были и самоубийцы, — Ван пытался донести до Тао Фанъи, что ситуация развивается отнюдь не в лучшую сторону.

«Были», — Тао Фанъи действительно видел немало самоубийц.

— И ты не замечал в них ничего странного перед смертью? — спросил Ван.

«Разве? Мне казалось, они всю свою жизнь были довольно странными».

И то верно.

Ван потёр переносицу, хотя её у него и не было.

«А у тебя есть переносица?» — с любопытством спросил Тао Фанъи.

— Это неважно!

«Хорошо».

— А я-то думал, у тебя всё под контролем, — точно так же, как раньше Ван полагал, что Тао Фанъи почувствовал призрачную ауру и просто выжидал.

«Я действительно верю, что она не умрёт», — сказал Тао Фанъи.

— И на чём основана твоя вера? — спросил Ван.

Тао Фанъи задумался, а затем покрутил у виска своей круглой рукой.

«Шестое чувство».

— В следующий раз я обязательно буду помнить, что ты — ненадёжный кусок дерева, — Ван закрыл лицо руками.

«Кстати, о дереве. Знаешь, как я раньше помогал семье кукловодов присматривать за детьми?» — слово «дерево» вызвало у Тао Фанъи тёплое чувство. Его уже много лет так не называли. — «Я притворялся человеком, а потом стучал по своему телу — тук-тук-тук. Это их так пугало!»

Ван двумя пальцами зажал Тао Фанъи рот.

«Но я всё равно могу говорить», — Тао Фанъи общался не ртом.

— Тсс, — Ван повернул его лицо к дверной щели. — Взгляни на неё в последний раз. Больше она не вырастет.

«Она делится тортом со своей семьёй», — заметил Тао Фанъи.

— Это её торт на четырнадцатилетие. Она пригласила их отпраздновать вместе с ней.

«А ещё она зовёт Жэнь Синьсинь посмотреть мультфильм».

— Потому что ей нравится эта сестрёнка-буйвол. Она хочет провести с ней немного времени напоследок, — Ван сжал рот Тао Фанъи ещё сильнее, хотя это и было бесполезно.

«Но если человек твёрдо решил умереть, разве имеет значение, что о нём подумают другие?» — спросил Тао Фанъи.

— Это ритуал.

«Но смерть — это конец нынешней жизни. Есть ритуал или нет — уже неважно. Я мог зажечь свечи прямо сейчас, и она бы ушла. Но она сама меня остановила», — Тао Фанъи по-прежнему был уверен, что Ли Яо не хочет умирать.

— Ты не понимаешь, — у Вана начала болеть голова.

«А я думал, она пытается спасти себя».

«Словно вынесла себе смертный приговор с отсрочкой исполнения. И если будет хорошо себя вести, его заменят на пожизненное».

— ...Может, ты и вправду дурак?

«Я никогда не говорил, что я глуп», — Тао Фанъи знал, что он просто немного медлительный.

Ли Яо и Жэнь Синьсинь, выходя из дома, прихватили с собой и Тао Фанъи. На этом настояла Ли Яо.

Жэнь Синьсинь не заметила в сестре ничего необычного. Ей казалось, что у Ли Яо сегодня

просто очень хорошее настроение.

— Если эта мелюзга ничего не поймёт, то останется без сестры, — снова забормотал Ван, но на этот раз он наклонился к самому уху Тао Фанъи, чтобы Ли Яо не услышала.

— Ты любишь маму? — спросила Ли Яо у Жэнь Синьсинь.

— Люблю! — громко ответила та.

Ли Яо улыбнулась. Она вела малышку за руку по улице.

Сегодняшний вечерний ветер, казалось, продувал её насквозь, проходя сквозь грудь. Больше ничто не преграждало ему путь. Скоро она освободится от этого тяжёлого тела.

Но улыбка постепенно сползла с её губ.

— Синьсинь.

— Что? — откликнулась та, подпрыгивая. Она с нетерпением ждала похода в кино. Папа и мама всегда были заняты, и это был её первый раз.

— Ты ведь знаешь, что у меня больше нет папы? — спросила Ли Яо.

Жэнь Синьсинь остановилась, её лицо стало серьёзным.

После недавних событий она уже понимала, что для Ли Яо значат слова «нет папы».

— Не принимай это так близко к сердцу. Мне не грустно, я уже смирилась, — Ли Яо присела на корточки перед сестрой.

Жэнь Синьсинь одной рукой обнимала куклу, а другой держала купленный Ли Яо леденец на палочке. Вокруг её рта виднелся красный ободок от сахарной глазури.

— Я твоя сестра, я старше, — сказала Ли Яо. — Ты знаешь, однажды я уйду раньше тебя. Со мной может случиться что-то непредвиденное, как с моим папой.

Глаза Жэнь Синьсинь расширились.

— Почему?

— Просто так. Несчастные случаи всегда происходят внезапно, — сказала Ли Яо. — Если однажды со мной что-то случится, мама будет очень горевать. Ты ведь обнимешь её в тот день, правда?

Жэнь Синьсинь не нужно было ничего говорить, достаточно было, чтобы мама видела, что она рядом.

— Почему должен случиться несчастный случай? — Жэнь Синьсинь не слушала дальнейших слов. — Но ты же только что пришла ко мне.

— Я просто привожу пример, — сказала Ли Яо.

— Мне не нравятся примеры, — Жэнь Синьсинь не знала, что это такое. — Я не хочу примеров.

— Но однажды это случится.

Жэнь Синьсинь упрямо отступила на шаг.

— Не хочу!

— Люди не могут жить вечно.

Жэнь Синьсинь продолжала отступать.

— Не хочу.

Ли Яо схватила её за руку.

— Не сердись, послушай меня...

— Почему ты должна умереть?! Потому что я тебе не нравлюсь?! — Жэнь Синьсинь больше не хотела смотреть мультфильм. Она громко закричала.

Прохожие стали обращать на них внимание.

Ли Яо поспешно оттащила сестру в сторону.

— Прости, прости, мне не следовало так говорить. Ты мне нравишься.

— Просто ты сейчас злишься, но когда это действительно произойдёт, ты быстро снова станешь весёлой, — сказала Ли Яо.

— Почему? — всё ещё спрашивала Жэнь Синьсинь.

— Потому что мы провели вместе не так уж много времени, — ответила Ли Яо.

Она сама уже плохо помнила, что было в четыре года. Жэнь Синьсинь будет страдать после её смерти меньше всех.

— Уже очень долго! — губы Жэнь Синьсинь скривились, и по щекам покатились слёзы.

Леденец выпал из её рук и упал на землю.

Ли Яо поспешно подняла его.

— Уже очень долго! Четыре года! — кричала Жэнь Синьсинь.

— Четыре года в масштабах жизни — это очень, очень мало, — пыталась успокоить её Ли Яо.

— Но мне всего четыре года! — для Жэнь Синьсинь четыре года были очень долгим сроком. Четыре года — это то, что люди называют «целой жизнью».

Она знала Ли Яо целую жизнь.

Ли Яо внезапно замерла.

Она смотрела на обиженное лицо сестры, и её черты постепенно расплывались, превращаясь в её собственное детское лицо.

«Почему взрослые могут просто уйти и начать новую жизнь? Почему все могут?»

Все начали свою жизнь заново. Никто не остановился ради неё.

— Мне будет грустно! — продолжала Жэнь Синьсинь.

Она была маленькой, она ещё не влилась в мир больших детей, но она не была глупой.

Жэнь Синьсинь вспомнила, как родители просили её не говорить о папе при Ли Яо, потому что

это её расстроит.

Поэтому она сказала:

— Мне будет так же грустно, как и тебе!

Ли Яо не ответила. Она, казалось, не сразу поняла.

— Подожди, когда мне будет семь лет, я буду любить тебя так же, как ты любишь своего папу!
— изо всех сил пыталась объяснить Жэнь Синьсинь. — И тогда мне тоже будет так же грустно!

Она не знала, что силу чувств нельзя измерить временем, но это было самое точное, что она могла выразить.

Ли Яо моргнула, всё ещё находясь в оцепенении.

Тринадцатилетняя Ли Яо тоже ещё не влилась в мир взрослых.

Жизнь перевернулась в одночасье. Все вокруг изменились.

Папы не стало, мама, чтобы заработать денег, стала ещё более занятой.

Она ничего не могла сделать, она была просто ребёнком, ей нужно было ходить в школу, она не могла никому помочь.

Как и Жэнь Синьсинь сейчас.

Разве оттого, что Жэнь Синьсинь не знала всей картины, её боль была меньше? Разве её детскую боль можно было игнорировать?

— Прости, — Ли Яо посмотрела на леденец в своей руке. Сахарная глазурь треснула от падения.

— Прости, я... напугала тебя, — она достала из кармана влажную салфетку, вскрыла упаковку и вытерла рот сестре. — Прости.

Она снова взяла Жэнь Синьсинь за руку.

— У тебя больше нет примеров? — настороженно спросила та.

— Больше нет, — Ли Яо повела её дальше. Её собственное лицо выражало всё большую растерянность.

Сегодня после двенадцати она умрёт, уйдёт отсюда.

В отличие от отца, это был её выбор.

Точнее, у неё был выбор.

Её боль заставила её перестать бояться смерти, даже ждать её прихода.

Ли Яо опустила взгляд на макушку Жэнь Синьсинь.

Какой же была боль для этого ребёнка?

Ли Яо в оцепенении досмотрела с сестрой мультфильм, и они вернулись домой.

Жэнь Синьсинь взволнованно обсуждала сюжет, казалось, она действительно забыла о неприятном разговоре.

Настало время ложиться спать. Ли Яо сидела на кровати, обхватив руками колени.

Напротив неё сидел Тао Фанъи. Она одолжила куклу у Жэнь Синьсинь.

— Господин Тао, — позвала она.

— Я здесь! — Тао Фанъи пошевелился и поднял руку.

— Который час? — спросила она.

— Сейчас посмотрю, — Тао Фанъи достал телефон. — Десять сорок три, почти одиннадцать.

Ли Яо кивнула.

— Осталось чуть больше часа.

Она замолчала.

Тао Фанъи тоже молчал.

Спустя долгое время Ли Яо крепко обняла свои ноги, уткнулась в них лицом и заплакала.

— Я так много хочу сказать, но не могу выразить.

Тао Фанъи подошёл и похлопал её по руке.

— Я совсем не сильная, — всхлипывая, сказала она. — Я трусиха, я просто хочу сбежать.

Тао Фанъи обнял её.

— Я даже не могу описать свою боль, — Ли Яо вспомнила мультфильм, который они сегодня смотрели. — Вот бы я была как его создатель. Тогда я хотя бы смогла бы рассказать тебе, что меня мучает.

Ли Яо подняла голову. Тао Фанъи уже вскарабкался по её штанине ей на колени.

— Создатель этого мультфильма и в подмётки тебе не годится.

— Ты меня утешаешь? — Ли Яо знала, что Тао Фанъи утешает детей.

— Нет, я серьёзно, — Тао Фанъи ласково погладил её по голове. — Ни один деятель искусства в этом мире, за всю его историю, не сравнится с тобой.

— Почему? — Ли Яо показалось, что Тао Фанъи слишком уж преувеличивает. — Я и сорока баллов за сочинение получить не могу.

— Но ведь для тебя самое трогательное — это ты сама, — объяснил Тао Фанъи. — У меня так же.

— Я могу тебя растрогать? — спросила Ли Яо.

— Нет, я имею в виду, что я сам могу себя растрогать, — решительно опроверг её предположение Тао Фанъи.

— Слова лишь вторично обрабатывают наши чувства. Жизнь у каждого своя. Я могу тебя утешить, но не могу до конца понять. Я — кусок дерева, я более медлительный, чем другие, помнишь? — Тао Фанъи постучал себя по ватной голове.

— Даже если ты всё расскажешь, я не факт, что до конца пойму.

Ли Яо снова хотела опустить голову.

Но ватная круглая рука легла ей на макушку.

Тао Фанъи не давил, но ему удалось остановить её движение.

— Но ты ведь всё рассказала себе, правда? — спросил он. — Ты понимаешь, о чём думаешь, поэтому и плачешь, верно?

Ли Яо скривила губы, слёзы полились ещё сильнее.

Она вытерла их рукой.

— Господин Тао, скажите, какой смысл в жизни?

— Главный смысл жизни — в том, чтобы жить.

— У меня нет мечты, нет особых талантов. Моя жизнь, наверное, самая бессмысленная и скучная, — продолжала она.

— Но какие бы у человека ни были мечты, какие бы таланты, как бы он ни менял этот мир... перед смертью всё, что у него остаётся — это книга воспоминаний, — Тао Фанъи скатился на край кровати. — Или, можно сказать, калейдоскоп жизни.

Ван посмотрел на Тао Фанъи.

— Как и у тебя. Всё, что ты получишь — это воспоминания о своих первых двенадцати годах, — Тао Фанъи, подражая ей, обнял свои колени. — Ты видела много сериалов, слышала много историй.

— Что сейчас модно? Ах да, сильные женские персонажи, успешные в карьере, нестигаемые. Но всё это не имеет к тебе никакого отношения.

— И любовные истории — тоже не про тебя.

— Бесчисленные пути, которые могла бы выбрать твоя жизнь, больше не откроются. Все возможные встречи исчезнут.

— Всё закончится в этот день. Но, к счастью, мёртвые не чувствуют сожаления.

Глаза Ли Яо широко раскрылись.

Она снова замерла.

Почему-то она вспомнила, как Жэнь Синьсинь сказала, что когда ей будет семь, она будет любить её так же, как Ли Яо любила своего отца.

И она никогда не узнает, случится ли это.

Тао Фаньи не знал, о чём она думает. Он подождал немного, потом снова достал телефон.

— О, одиннадцать пятьдесят девять.

У изножья кровати появилась полупрозрачная человеческая фигура. Ли Яо вздрогнула.

— Яояо, пойдём? — спросил мужчина.

Дыхание Ли Яо стало тяжёлым, тело задрожало.

Она схватила Тао Фаньи.

Спустя некоторое время она, плача, спросила:

— Если мёртвые не сожалеют, почему я сожалею сейчас?

— Потому что ты ещё не умерла, — быстро ответил Тао Фаньи.

— Только живые сожалеют. Только живые могут проклинать эту чёртову жизнь.

Мужчина у кровати стоял долго. Ли Яо смотрела на своего отца.

Прошла полночь, прошёл час, прошло два...

Наконец, небо начало светлеть, и фигура у кровати стала медленно таять.

Ли Яо показалось, что перед тем, как исчезнуть, он улыбнулся.

Только когда он окончательно растворился в воздухе, Ли Яо пришла в себя.

В этот момент Тао Фанъи произнёс:

— Похоже, те четырнадцать свечей пока не понадобятся. Можно отложить их до твоего настоящего четырнадцатилетия.

Ли Яо закрыла лицо руками и зарыдала в голос.

Её плач разбудил Ян Хунлин и Жэнь Ина. Взрослые поспешно прибежали посмотреть, что случилось.

«С сегодняшнего дня она начнёт свою собственную жизнь», — сказал Тао Фанъи Вану.

— Условия жизни у неё не ахти, — Ван оглядел обшарпанную комнату.

«Да, не идеально. Но в этом мире нет идеальных мест, — весело ответил Тао Фанъи. — Готов?»

— К чему готов? — не понял Ван.

«Вчера Ли Яо напугала Жэнь Синьсинь. Да так, что та чуть с ума не сошла. Я был рядом и успел собрать очки страха, — сказал Тао Фанъи. — Мои очки страха заполнены. Нам пора уходить».

Ван на мгновение замер.

— ...Так быстро?

«Не хочешь уходить? Привязался к девочкам за это время?» — спросил Тао Фанъи.

— Повторяю ещё раз! Я не люблю детей! — больше всего Ван ненавидел этот маленький «свистящий чайник».

«Да, дети — это ужасно», — поддакнул Тао Фанъи.

Ван решил больше не обращать на него внимания.

«Я отведу тебя к себе домой, а потом сдам отчёт», — Тао Фанъи теперь был опекуном Вана.

— К тебе домой? В Девятнадцатый уровень?

«Да. Там хорошо, тебе понравится».

Взрослые суетливо утешали Ли Яо, а Тао Фанъи мысленно напевал песенку.

Вокруг царил шум и суматоха.

— Каким бы особенным ни было жилище, это всего лишь место, где можно остановиться, — возразил Ван.

«И то верно», — Тао Фанъи и сам нечасто бывал дома.

Плач Ли Яо постепенно стих.

Ван вдруг почувствовал, что стало тихо.

В его голове почему-то всплыли слова Тао Фанъи: «Какие бы у человека ни были мечты, какие бы таланты... перед смертью всё, что у него остаётся — это книга воспоминаний».

«А у Тао Фанъи тоже?»

«Наверное, его книга воспоминаний очень странная. Ведь он и сам — странный деревянный человечек».

«А у меня?»

Ван почувствовал раздражение. Он решил завязать разговор.

— Ты же заказывал в интернете семена подсолнуха? Собираешься их посадить, когда вернёшься?

«Ого! Ты помнишь!» — обрадовался Тао Фанъи.

Ван:

— ...

Зря он заговорил с Тао Фанъи.

«Но я не знаю, подойдёт ли мой сад для подсолнухов. Я и другие семена купил», —

затараторил Тао Фанъи.

«Ладно, пусть говорит. Голос у него приятный, можно слушать как фоновую музыку».

Он мог думать о своём.

...

.....

«Какой же у Тао Фанъи сад?»

Шариковая ручка скользила по бумаге. Вэньжэнь Фу, подперев голову одной рукой, другой что-то рисовал на ненужном листе А4.

— А? Подсолнухи? — спросил проходивший мимо коллега, с удивлением взглянув на рисунок.

Вэньжэнь Фу очнулся. Он посмотрел на лист, усыпанный подсолнухами, и сам не сразу понял, что нарисовал.

Но было уже поздно. Подсолнухи уже расцвели по всему листу.

<http://bllate.org/book/16974/1585218>